Лемещенко П. С. Институциональная конкуренция: что, почему, как, для чего / сб. научн. статей XI Междун. науч.-практ. конфер. «Государственное регулирование экономики и повышение эффективности деятельности субъектов хозяйствования, Минск, Академия Управл. При Президенте РБ, 16-17 апреля 2015 г. - С.111-115.

Лемещенко П. С.
Белорусский государственный университет

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ КОНКУРЕНЦИЯ: ЧТО? ПОЧЕМУ? ДЛЯ ЧЕГО? КАК?

Сегодня, обращаясь к главному и наиболее известному труду шотландского мудреца, мы зачастую осознанно или заблуждаясь, сильно преувеличиваем значение конкуренции, предполагая лишь (!), что последняя каким-то образом (???) через неопределенный механизм отбора выявит лучших и лучшее, обеспечив потребителям более низкие цены. Однако цены за весь период эволюции экономики рынков не снизились ни на один товар и ни на один процент. Это, во-первых. Во-вторых, указывая на конкуренцию как главную движущую силу экономического развития без объяснения и описания всех сопутствующих процессов политико-экономической и социально-психологической жизнедеятельности, мы тем самым просто расписываемся в непонимании происходящего. Врач тоже, когда не понимает причин болезни, часто обращается к фразе: здоровый организм должен победить… Возможно это так, но нам в современных условиях даже такого оптимизма явно недостаточно. Слишком большие риски.

Известно, что королева Великобритании после кризиса 2008 года, собрав титулованных некоторых экономистов в известной Лондонской школе экономике, спросила у них, а почему экономисты «проворонили кризис». По словам профессора Луиса Гарикано (Luis Garicano), которому королева адресовала свой вопрос во время своего посещения Лондонской школы экономики, «люди делали то, за что им платили, и поступали в соответствии со своими побуждениями. Однако с социальной точки зрения, во многих случаях им платили за то, чтобы делать неправильные вещи». В этой фразе можно увидеть, где и какая конкуренция подвела к широко обсуждаемому кризису современности, который, кстати, еще и не завершился. Естественно, сегодня те же экономисты, как правило, из стран как самых влиятельных игроков в мировом сообществе, никогда не определят правильно и искренне природу и причину не только экономического кризиса, но и

других существующих проблем. Дело в том, что выход из мирового общего кризиса не имеет одного пути или инструментов, мер для всех стран в одинаковой степени. К сожалению, сложившаяся даже не конкурентная, а нестабильная мировая политико-экономическая среда породила ситуацию, когда одна группа стран или же некая одна страна, предлагающая некие меры по изменению ситуации, «выживает» за счет других стран. Инструментами этого являются *международные институты (!),* которые стали доминирующими регуляторами. *Это новый вид ресурса, в обосновании и создании которого, как правило, принимают участие основные игроки мировой экономики.* России не позволили участвовать в процессе формирования нового политико-экономического порядка. Один из участников упомянутого обсуждения прямо ответил королеве, что экономисты минимизировали издержки кризиса, распределив риски (!?) между хозяйствующими агентами. Контекст этого ответа очевиден: выгоды от кризиса получили одни и в этом великая сила международных законов по защите прав собственности, а издержки и мировой системы хозяйствования, и издержки от конкретных операций, речь идет об операциях соединения финансовых инструментов и рынка недвижимости в США, несут совершенно другие субъекты и страны.

Конкуренция начинается с учебного процесса. Малоизвестным фактом является история с учебным пособием П. Самуэльсона, которое в 1964 году было переведено на русский язык, а в 90-е годы уже в другой интерпретации получило массовое распространение на всем постсоветском пространстве – «учимся рынку». Теоретические доктрины классической и марксистской политэкономии, формирующиеся не напористые и не агрессивные «новые теории» без особой борьбы проиграли на интеллектуальном поле идеологии более примитивной, скажем деликатнее – узкоутилитарной, но обставленной несколько убедительнее формулами, графиками и пр. Но ведь этой книге, отражающей определенную доктрину, предшествовало пособие по экономике, подготовленное канадцем Л. Таршисом, которое начинало входить в учебный процесс, но которое не устроило по определенным позициям понимающих роль и значение мышления, идеологии, мировоззрения населения и особенно молодежи. Сегодня уже известны случаи, когда сами студенты, как например, студенты университета Гарварда уходят с

лекций известного Г. Мэнкью в знак протеста против вводного курса «экономикс». «К сожалению, мы не используем знания, которыми обладаем, – пишет П. Кругман, – поскольку слишком многие люди, облеченные властью, …многочисленный класс говорящих и пишущих, формирующих общественное мнение, по разным причинам предпочли забыть уроки истории и выводы нескольких поколений экономистов и заменить давшиеся большим трудом познания идеологически удобными предубеждениями [1, с. 9-10]. Так известный лауреат оценивает ситуацию интеллектуального экономического потенциала, сложившего на текущий период.

Философско-социальную основу смитовской концепции в целом и, естественно, конкуренции, составляет «Теория нравственных чувств» (1759 г.). Ее место трудно переоценить, поскольку на тот период тоже достаточно острый с точки зрения возросших проблем зафиксирована и буквально выписана конкретная формула развития социально-экономической общности народов. «Справедливость… представляет главную основу общественного устройства, – пишет А. Смит. – Если она нарушается, то громадное здание, представляемое человеческим сообществом, воздвигаемое и скрепляемое самой природой, немедленно рушится и обращается в крах» [2, с. 101]. Это, по сути, тот результат, который мы получили сегодня, опираясь на извращенное представление об экономике в целом и о конкуренции в частности. Однако здесь проблема тоньше, чем ее можно представить. В формирующемся новом рыночном экономическом порядке по сравнению со старым, а он уже не устраивал по многим нормам и правилам современников Смита, закладывается иная общественная институция – норма сложного утилитаризма, впитывающая активную общественно-полезную деятельность и нарушающую, например, традиции производства для снижения издержек и цен. Дополнительный эффект от этого вида конкуренции, *открывшей* (!) новый вид товара или более совершенную форму организации, считалось моральным употребить в частных интересах. Критерий же общего развития страны виделся в росте населения, поскольку именно оно с позиций основателей теории стоимости выступало главным источником и материального богатства.

Понятно, что времена и нравы размыли те рамки политико-экономического мышления и порядков, которые закладывались не только просвещенной частью

населения, религиозными деятелями, политиками, промышленниками. Сегодня, как следует из словарей, конкуренция (лат. *concurrentia*, от лат. *concurro* – сбегаюсь, сталкиваюсь) – это борьба между экономическими субъектами за максимально эффективное использование факторов производства. Понятие это, таким образом, при всей риторике о нарастающем цивилизационном процессе значительно сузилось до примитивного экономизма, который, безусловно, «сидит» в человеке и человечестве, но вовсе не отражает всей сути человеческих отношений. Если же следовать логике этого определения, то в этой борьбе всегда будет побежденный и победитель. Созидание второго будет осуществлена за счет разрушения первого. Выявит это кризис, если опираться только на непредвиденные стихийные силы. Эффект от такой формы хозяйствования есть. Но он весьма разрушителен как с точки зрения общественного устройства, так и потерь домохозяйств. Ведь мы являемся свидетелями как *общий кризис капитализма (!) пытаются преодолеть за счет всего общества и общественными мерами.* Но этого разрушения можно избежать, изучив и спрогнозировав проявления предстоящих событий, складывающейся конъюнктуры.

И тут вступает в силу новый *институт – планирование,* которое, безусловно, очень сложное по всем своим этапам и формам. Но к этому ведут объективные предпосылки как самой техники и технологии, тенденции совместной кооперации, так и общественные отношения, где социально-психологические ценности, здоровье и пр. уже доминируют над материальными благами. Поэтому, говоря об импортозамещении, надо видеть и *теоретическое импортозамещение*, которое не повторяет «спрос» и «предложение», а понимает тенденции развития мировой науки и на основе этого разрабатывает теории, концепции, программы, хозяйственные механизмы и пр., адекватные производительным силам страны, ментальным свойствам, интересам складывающихся слоев и классов. Поэтому, как верно подметил Ю.М. Осипов, конкуренция – «это не только состязательность с другими, не только борьба с самим собой, но соперничество собственных решений и действий, это – выбор между возможными вариантами поведения, хождение в неопределенности, вероятный поиск» [3, с. 214]. В связи с этим хотелось бы также напомнить, что у Й. Шумпетера, который стал сегодня популярен в силу его значимой работы «Теория экономического развития», в последней есть очень

характерный подзаголовок «Исследование предпринимательской прибыли, капитала, процента и цикла конъюнктуры». В этой работе автор раскрывает смысл экономического развития, показывает в каком направлении и как осуществляется достижение этих целей. Главной функцией предпринимателя, по Й. Шумпетеру, является способность осуществлять. «Производить, – считал Й. Шумпетер, – значит комбинировать имеющиеся в нашей сфере вещи и силы… Производить… – значит создавать новые комбинации из этих вещей и сил» [4, с. 158]. Как видим, состязательные начала у данного автора в сфере производства совсем иные: прежде чем конкурировать на рынке, например, автомобилем, надо его сначала создать в чертежах, аккумулировав научно-технический потенциал страны, представить в технологиях и технике, научить рабочих и пр., а потом уж найти деньги и организовать выпуск этих автомобилей. Этот товар, кстати, будет уже с ценой и никакой спрос пока на данном этапе никак не формирует этот показатель.

Производство институтов – это новый и особый вид производства современной экономики. Здесь традиционные категории политической экономии об «орудиях труда», «средствах труда», «максимизации прибыли» и пр. не отражают сути происходящих явлений и процессов. В этом виде деятельности используются по преимуществу информационно-психологические технологии. В некоторой степени это тот же третий сектор экономики, который реально уже функционирует и реально влияет на все остальные сектора экономики и общественно-политическую жизнь отдельных стран и мира в целом. К сожалению, формируя институты по определенным правилам (?) и далеко не с одинаковыми условиями поведения и хозяйствования, закрепляется и усиливается сложившееся неравенство стран, фирм и пр. И дело не в материально-финансовом неравенстве, хотя оно тоже может быть предметом рассмотрения в условиях современного «рынка». Дело в том, что создаваемыми нормами и стандартами, их манипуляцией исключаются из конкурентной борьбы те, кто влияет и кто учредил эти институциональные организации и учреждения. Это и дало повод говорить о двойных или даже тройных стандартах поведения в современной мировой системе [5].

О свободной конкуренции можно говорить ярко и с ностальгией, но отрицать факт устойчивого развития монополий никто отрицать не может. У нее значительно больший потенциал развития науки и технологий, внедрения новых

организационных форм. Внутри монополии нет экономической конкуренции, поскольку там нет товарного обмена, но могут развиваться и использоваться соревновательно-деятельные формы, раскрывающие потенциал отдельных работников, бригад, специализированных цехов и пр. Монополии не «разваливаются» и их не развалишь по произволу потому, что положительный эффект от их социально-корпоративного действия больше, чем отрицательный. Но в свою очередь надо понимать, монополии, возникнув, получили возможность, необходимость и силу использовать далеко не экономические методы извлечения прибыли и других своих целей. И конкуренция, понимаемая в традициях сложившихся представлений, здесь ни при чем. Этот вывод имеет для нас (России, Беларуси и пр.) практическое значение, потому что до сих пор властно требуют не только приватизации крупных предприятий, но и технологической децентрализации. Этот разрушительный процесс, основанный, на непонимании связи между многими техническими, социальными, политическим, экономическими процессами, скорее всего, вызван острым желанием устранить своего прежнего идеологического соперника – ассоциированное сознание и коллективную деятельность. Инициаторы рыночной реформы по-большевистски решительно провели приватизацию, формально создав рынок, но реально не создали эффективной экономики, где бы капитал и труд были равноправными институциональными партнерами. Результат: капитал не может из-за своего узкоутилитарного сознания, малых по размеру активов и денежного интереса провести неоиндустриализацию, а труд – унижен, оскорблен не только зарплатой, пенсиями, ценами и пр., а своим социальным статусом. Он это понял, «сжался», поскольку исчезают рабочие профессии, производительность труда упала, но он начинает самоопределяться. Что дальше? Надо вспоминать историю… Капитал даже пока и не собирается учить рабочих новым методам организации производства, новым профессиям и т.д. Предполагается наивно, что частная собственность «сама» проявит свои преимущества. Но этого не случится до тех пор, пока наметившийся антагонизм интересов между основными классами потребует выработки совершенно иных норм производственно-экономических отношений, стандартов организационного поведения и правил социального взаимодействия.

Литература

1. Кругман П. Выход из кризиса есть. – М.: Азбука-Бизнес, 2013. – 320 с.
2. Смит А. Теория нравственных чувств. – М.: Республика, 1997. – 351 с.
3. Осипов Ю.М. Теория хозяйства. – М.: МГУ, 1998. Т. 1. – 468 с.
4. Шумпетер Й. Теория экономического развития. – М.: Мысль, 1982. – 455 с.
5. Лемещенко П.С., Сидорова А. М. Неформальные институты и рыночная реформа в Беларуси: эволюция, противоречия, стратегия. – Мн.: Мисанта, 2013. – 105 с.